

«Я всегда буду тебя любить и защищать, Медвежонок» – этим обещанием мальчик успокаивал своего подопечного, когда того пугали причуды человеческих поступков или призраки замка.

...Знал, что Медвежонок понимает по меньшей мере одно слово – собственное имя. Произнеси «Медвежонок» или «Медвежоночек», и хвост его начнет плясать, бить по полу (если он лежал) или ударять по бокам (если бегал). Знал, что в отличие от других животных, Медвежонок любит, когда гладят против меха, щурится и начинает вытягиваться, показывая белое незащитное брюшко, а потом сворачивается клубком, смотрит снизу вверх, спрятав когти, издает в ответ на прикосновение нежное вкрадчивое мурчание (даже странное для такого огромного, волшебного существа). Знал все любимые местечки, в которых он предпочитал точить коготки, его любимые игрушки: нитки, оставшиеся от матушкиного вязания, ручка от сломавшегося папиного ножа, маленький мячик Ее Высочества – перламутровый, вырезанный мастером-тибетцем из слоновой кости, и, конечно, гребешок.

Знал, что добрее Медвежонка никого в мире нет: он всегда приходит на выручку и всегда угадывает, когда надо побыть тихоней, а когда пора играть до потери сил! Знал, что любимое место Медвежонка – в тепле. Но именно перед этим огромным камином, возле которого они сейчас сидят, рядом с покая-

ми, где живут родители котенка, Медвежонок любит бывать особенно. Кстати, похоже, они уже подзабыли, что родили его – умные, но забывчивые королевские кошки... А Медвежонок, верно, все еще это помнит и потому обожает греться, уставившись блестящими, отражающими красный свет зрачками в центр очага. Тепло медленно размаривает его, и он роняет огромную пушистую голову на колени мальчика, щурится все сильнее, пока тишина и дрема не подхватывают его и не уводят в мир кошачьих сновидений...

Знал, что этого сумрачного человека, пришедшего с севера, где, говорят, не бывает солнца, бояться все в замке, и каждый опускает глаза перед ним. Знал, но отчего-то вместо страха испытал любопытство и поднял взгляд ровно в тот миг, когда фигура, шелестя тяжелой тогой, следовала мимо. Из-под капюшона ему ответили два неожиданно веселых раскосых голубых глаза. Совсем как у среднего кота молодой принцессы, понял мальчик, и невольно улыбнулся.

Незнакомец остановился. Котенок оторвал голову от коленей мальчика и с подлинным удивлением осмотрел человека. Присматривать за ним было легко – этот котенок был самым смысленным и добрым из помета и сам ходил всюду за мальчиком, лез бодаться, если голова ребенка оказывалась близко. К тому же благодаря огромным размерам (мальчик

Стало видно его лицо:
бледное и сухое, изуродованное длинными рыжими шрамами, симметрично окружавшими рот и тянувшимися к крыльям носа, – кто-то однажды с усилием начертил эти раны, и время никогда не смоет их.

в свои семь лет был немногим крупнее Медвежонка) его невозможно было потерять. Он поднялся, выгнул спину, встряхнул мордочкой и, подцепив зубами обрубок веревки, бросил перед мальчиком и громко, часто замыкал: «Играть, играть, играть!»

– Как его зовут? – услышал мальчик из-под капюшона.

– Медвежонок Первый, милорд.

Тот хмыкнул, однако глядел на шерсть, изогнутую от нетерпения пышную спину кота, как зачарованный, – так смотрели все люди, видевшие впервые столь необыкновенное существо, огромное, но тихое и ласковое.

– Это королевский кот, он принадлежит принцессе, милорд. – Мальчик поскорее снял с пояска старый, но искусно вырезанный гребешок.

Сделан он был из кости редкого животного, которое, как говорила мама, больше не живет на Земле.

Черный человек опустился на колено, став на один уровень с ребенком и котом. Приподнял капюшон. Стало видно его лицо: бледное и сухое, изуродованное длинными рыжими шрамами, симметрично окружавшими рот и тянувшимися к крыльям носа, – кто-то однажды с усилием начертил эти раны, и время никогда не смоет их.

Мальчика очаровали огромные улыбающиеся глаза, сверкавшие, будто голубые факелы. Они глядели в него без угрозы и нажима, но проникали глубоко, и мальчик почувствовал желание рассказать черному человеку про это удивительное животное, своего подопечного.

– Медвежонок, – сказал он, расчесывая редко взмуркивающего котенка, пока тот покусывал веревку, – младший сынок Герды Прекрасной – главной кошки Ее Высочества. Поскольку я тоже маленький, мне поручили за ним присматривать, содержать шерстку его в чистоте и порядке, пока он не подрастет. Тогда его, может быть, отправят в подарок куда-нибудь за границу, а может быть, Ее Высочество заметит, какой он замечательный и умный, и не станет отправлять. Она наверняка заметит, – добавил мальчик убежденно, – и заберет Медвежонка к себе в покои, и будет жить и спать с ним, как сейчас спит с Гердой Прекрасной и Бароном Пушком. Он самый лучший котенок! – добавил мальчик в порыве нежности.

Человек усмехнулся. Кот оторвался от веревки и внимательно осмотрел незнакомца. Взгляд его остановился, будто он увидал змею, и постепенно шерсть приподнялась, встала дыбом.

– Не нравлюсь ему? – спросил человек.

– Нравится, он всех людей любит, – сказал мальчик, – просто он очень-очень умный, а значит, и осторожный. Всегда держится чуть в сторонке, прежде чем решится подойти. Ну, Медвежонок, не будь таким буквой...

Мальчик заволновался, потому что котенок не на шутку занервничал. Он начал пятиться и явно собрался улизнуть и спрятаться. Ниточка, которой был обвязан его маленький ошейник, натянулась. Кот застыл на границе тени, разбавленной светом камина, и улегся на холодный пол, замер, прижав к нему лапки, морду и живот. Забил хвостом по бокам и вжал уши: «Страшно! Нет! Нет!»

– Ну, Медвежонок, невежливо так себя вести! – угаривал его мальчик, глядя синеваой узор шерсти.

Черный человек выпрямился и ждал. Он протянул руки к огромному камину, чтобы согреть свои костлявые, пахнущие кровью пальцы. В столь поздний час огонь почти погас, едва догорали мелкие язычки, жар шел от огромных, давно обглоданных бревен. Повсюду, куда не доставало излучение камина, царил холод, ведь уже стояла поздняя осень. На горных вершинах давно белели шапки, понемногу снег приходил в долину; вскоре укроет он и замок, и вычесывателям прибавится работы на время линьки королевских зверей...

– Тебе сильно повезло, что получил такую работу, – заметил черный человек. – Служить королевским животным – великая честь. Кто твои родители?

– Да, я сын младшей вычесывательницы кошек Ее Высочества и младшего повара. Ее Высочество была очень добра ко мне...

– Что ж, тогда не стоит тебе сидеть в таком месте в поздний час. Что ты тут уселся, разинув рот? Слыхал я, еще от лестницы, как вы здесь топали с этим... животным. Нарушали покой Ее Высочества. Разве не ясно тебе, клопик, что рядом с покоями принцессы должно быть тихо?!

– Клянусь, мы будем тихими, как мышки. Мы просто здесь греемся, Медвежонок любит этот камин...

Черный человек снова натянул на лысую голову капюшон, полутени спрятали его лицо. Теперь только слышалось его дыхание да тихий треск в камине. Мальчик внезапно ощутил, как море страха проглатывает его, а сердце трепещет кузнечиком. Оно подсказывало немедленно сбежать, но, разумеется, не мог он просто так взять и повернуться спиной к милорду. Поэтому, обняв Медвежонка, боднувшего его и сжавшегося в комочек, мальчик замер и мечтал испариться.

– Очень плохо знаешь свое дело, маленький вычесыватель, – бросил раздраженно страшный человек.

Мальчик так впился в шерстку Медвежонка, что тому стало больно. Он начал вырываться, а черный милорд вдруг протянул к нему ладонь. Мальчик не успел опомниться, как котенок все же вырвался, полоснул протянутый палец, а когда страшный человек зашипел от боли, Медвежонок уже и след простыл – испарился в тених, а там уж было его не так просто отыскать.

Черный человек свирепо уставился на мальчишку.

– Ты его упустил, – сказал он.

Вычесыватель дрожал. Он понял, что капля крови, которую пролил его подопечный, дорого им обойдется.

– Милорд, мне так жаль... Позвольте побегать его искать.

Мальчик встал, опустил взгляд в пол и ждал кары. Милорд не торопился отпускать его: рылся в дорожной сумке, свисавшей с плеча.

– Больше ты сидеть у покоев Ее Высочества не станешь, вычесыватель, – бормотал он.

– Я больше не буду, милорд! Просто внизу так холодно, а котенок...

– Не ной. На-ка, выпей вот это. Поможет в поисках. Сейчас темно. Вдруг он сбежит в погреб? Ты, кажется, совсем не умеешь с ним управляться.

Мальчик нерешительно взял крохотный пузырек, открыл его, но медлил.

– пей-пей, – приказал страшный человек.

– Мама мне не велела пить из рук господ, милорд.

– Это еще что?! – взорвался человек. – Спорить со мной, шенок?! А ну пей, шавка мелкая, и бегом искать котенка Ее Высочества!

Мальчик поспешил, не нюхая, вылить содержимое себе в рот. Казалось, там обычная вода, по крайней мере, он не ощутил ни вкуса, ни запаха. С удивлением вернул скляночку страшному взрослому.

– Легкое снадобье, чтобы ты лучше слышал во тьме, – сказал тот, успокоившись, и бросил пузырек обратно в сумку.

Там тихонько звякнуло.

Мальчик поклонился и попятился во тьму. Странно ощущал себя: словно было раннее утро и он только проснулся, и голова еще тяжела, но при этом все остальное тело сделалось легким, почти невесомым. Хотелось бегать и порхать, будто в него вселился эльф.

– Доброй ночи, малыш-вычесыватель, – сказал ему человек, потрепав мягкие волнистые волосы.

– И вам спокойной ночи, добрый милорд!

Наконец-то можно было сбежать! Но стоило мальчику нырнуть в тени и начать шарить руками по углам в поисках забившегося куда-то Медвежонка, как новая мысль остановила его: ведь действительно не было близ камина ни одной комнаты или зала, куда бы могло понадобиться на ночь глядя идти благородному господину. Была лишь одна комната, где его могли ждать – покои Ее Высочества, где любезная принцесса готовится ко сну и, может быть, напоследок обнимается с Гердой Прекрасной и Бароном Пушком.

Любопытство стало мучить сердце мальчика. Он с великой осторожностью возвратился к камину, на единственный освещенный пятячок. Потрескивали догорающие поленья, но в остальном было тихо настолько, что он улавливал отдаленный шум дождя за толстыми ледяными стенами. Вдруг ему стало казаться, что слышит он и то, как мыши маршируют по тайным ходам, и как на соседних этажах слуги трудятся, готовя на утро покои для обещанного посольства из заморской страны... Что он слышит тихое протяжное мурчание Герды и чавканье Барона Пушка, и даже прикосновение принцессы к белоснежной шерстке Герды. Но разве такое возможно?..

Мальчик понял, что посреди этого всего слышит и самый страшный звук – поступь черного человека. Впрочем, тот удалялся, любопытство брало верх. Он ушел с освещенного пространства и прокрался поближе к покоям принцессы, замер почти у самой двери. Совершенство слуха, которым он теперь об-

Совершенство слуха, которым он теперь обладал, позволяло ему почувствовать, что его самого никто не слышит и не замечает. Больше того: когда он обернулся, то с удивлением увидел собственное тело, лежащее перед камином, и котенка, который осторожно выглядывал и водил носиком у самой границы тьмы и света.

дадал, позволяло ему почувствовать, что его самого никто не слышит и не замечает. Больше того: когда он обернулся, то с удивлением увидел собственное тело, лежащее перед камином, и котенка, который осторожно выглядывал и водил носиком у самой границы тьмы и света. Но это уже явно было помутнением, и в звук мальчик верил теперь куда сильнее.

Звуком было все вокруг, даже стена, к которой он приник, даже гробовое молчание, которым встретила принцесса позднего гостя. Они смотрели друг на друга, и их взгляды тоже были теперь потрескивающим, ломающим преграды звуком. Затем услышал мальчик, как лапки Герды касаются ковра и как умная кошка сторонится, спешит сбежать с освещенной части комнаты, которую пересекает поздний гость. Барон Пушок замешкался было, оторвав мордочку от миски с куриными потрохами, и смотрел с изумлением на гостя, пахнувшего мертвецким темно-синим и склизким темно-зеленым. Но затем, будто разделив ужас Герды, за нею вслед юркнул под огромный письменный стол и свернулся там массивным калачиком.

– Как поздно ты явился, – полушепотом, который никто не должен был слышать, сказала принцесса.

Мальчик понял, что лишь во второй раз в жизни слышит ее голос. Обычно она всегда проходила мимо прислуги, не замечая простолюдинов: шагала в сопровождении двух лейтенантов охраны, закованных в броню из северного железа, и одаривала пространство перед собой непроницаемой улыбкой, за которой невозможно было увидеть никаких чувств. Сейчас ее голос сочился ядом, в его эхе мальчик распознал неутолимый голод.

Строгий милорд усмехнулся, но не ответил. Он присел на табурет, установленный перед постелью, и тяжело вздохнул, словно лишь теперь долгий путь его кончался. Снял капюшон, протер голубые глаза, ткнул острым ногтем собственное лысое темя. Улыбка не сходила с его лица, когда он глядел на принцессу. Мальчик перестал думать о том, каким образом ему удастся «слышать» все это – звук делал сейчас с ним нечто такое, чего обычно он делать не умел: рисовал картинку, столь тонкую, но правдоподобную, что не было нужды гадать, как она возникает. Вычесыватель поверил, что услышит все, что пожелает.

– Расскажи, что чародей сказал перед смертью, – еще тише прошептала принцесса, залезая обратно в постель, под одеяла.

Человек сел на самый краешек гостевого табурета и вдохнул запах молодой девушки. Он набрал полные легкие ее чистоты и ухоженности, задержал его, пока запах не стал удушающим газом, и лишь тогда испустил выдох.

Потом он стал рассказывать тихим шепотом, но мальчик сумел подслушать все до единого слова:

– Когда палач в последний раз вытянул его на дыбе, я услышал, как трещит и рвется шея, и он, должно быть, сам услышал, понял, что это смерть. Вместо крика посеял нечестивый в мир последний выдох, в нем много слов скопилось. Я заглянул в его глаза и демону, что тлел там, велел мне именем Христовым все раскрыть. Всю ложь, что дух предателя питала, червями, дымом сердце осквернив, потребовал я свету выдать... Уж знал тот бес, что тело это кончено, и щедр был на стон предсмертный. То, что говорил он, не утаю, и юная миледи слово каждое узнает и запомнит вслед за мной. Пусть знает, в канун короны обретенья, какими помыслами полнится котелок еретика.

– Поведай мне!

– Моя принцесса, он сказал: «О милорд, я потому открыл свой рот, что увидел в тот день исплинскую черную тень, не проницаемую никаким светом. Она была такая густая, милорд, что нет

Наблюдавший со стороны мальчик вцепился было в собственное тело, но напрасно: только звуки давались ему, а материя вдруг стала рассеиваться, словно в ней и не бывало порядка, а он сам никогда не имел с ней связи.

слов в человеческом языке, чтоб описать... В ней хранилось, с самого начала, все то, что случится, включая эту пытку и этот разговор.

В ней хранилась линия, на которую я буду нанизан и по которой стану путешествовать через отдаленное время, думая, что я Йонас, сын портнихи из речной деревни... Когда померкнет последнее воспоминание о темноте, я стану думать именно так, и тень это знала наперед. Когда ее уже не будут помнить, нитки продолжат складываться в удивительный узор, и одним из его изгибов буду я, простой портной, а другим – он, мой мучитель, злой черный инквизитор.

Чернота понятия не имела, как будем мы называться и как выглядеть, как назовут меня и какой верой окрестят, кому из принцесс мучитель станет служить и против кого будет воевать наше царство. Все это несущественно там, в начале, но это распустилось именно оттуда, будто бутон цветка, не подзревающий о своем пути во чреве земном... Черной спиралью, милорд, тень продвигалась, сметая многие царства и делая безмянными даже императорские дворцы: в конце она поглотила все династии и всех священнослужителей.

Черная злая принцесса, приказавшая мучить и убить меня, тоже была там, в глубоком, дремлющем замысле, в корне цветка. Я видел ее, и я знал, что сыграю свою роль в том, чтобы смел народ ее с престола, хоть она и доберется до меня своей мстостью. Твоими длинными когтистыми пальцами она добралась до меня, черный инквизитор. Но когда я смотрел, я видел, что бездна без труда вычистит даже это страдание. Все сгладится и пропадет в ней,

все будет умыто ею, все будет предано забвению, и твоя беспощадная принцесса падет среди прочих помутнений. И хотя землистую тьму в конце времен назовут невежды светом, это не так важно – главное, что весь грех будет смыт и сожжен, и забыт, и окажется эхом игры...

Это было спето прежде, чем человек узнал о самой песне, о языке, которым можно ее произнести, или о шифре, который даст к ней разгадку. Все уже случилось, звук побывал всюду и давным-давно вернулся в пасть обратно, в совершенное молчание. Теперь...»

Инквизитор остановился. Мальчик услышал, как шелестит шелковая одежда принцессы, как Ее Высочество пересаживается, и впиивается в сухую злобную руку черного человека, и шипит на него, как дикая голодная кошка, загнанная в угол:

– Что еще? Что чародей еще промолвил?! Он выдал сообщников? Сказал, кто среди баронов козни строит?!

– Нет, на этом слове он дух испустил. Он умирал еще несколько мгновений, но чувствительность его покинула. – Инквизитор с великой осторожностью и почтением отцепил пальцы принцессы, густо шелохнулась под нею мякоть одеял. – И голос он утратил. Змеиный рот его залила тишина, и тот, кто козни строил бесконечно, в пучину ада сброшен. Восслався, госпожа, и Господу молитву вознеси!

Некоторое время оба молчали, но слышалось учащающееся дыхание принцессы, и как пламя подкатывает к ее губам, и как она сдерживается, чтобы не завопить.

– Все рассказал ты понапрасну. Впустую тратил минуты этой ночи. Нет утешенья мне в твоих речах! – обжигающим шепотом проговорила она. – Зачем мне слушать про его предсмертные бредни, раз заговор ты не раскрыл?! Предателей не смог ты привести на цепи в замок, и завтра кости их коты глотать не станут!.. А значит, паучьи козни ткать они не прекратят! Страх... Давний брат мой, – прерывающимся голосом добавила принцесса, отвернув лицо к оконной прорези, – продолжит в ночи тлеть, здоровье красть и молодость мою... Не принесет ни желтый, ни розовый восхода свет мне отдых. Ни в танце, ни в пиру я не забуду братца. Как долго в пустоту смотреть? Как долго уродливую ведьму видеть вместо лика светлого надежды?..

Мальчик услышал, как инквизитор улыбается, как медленно поднимаются и опускаются его плечи. Когда же он вздохнул, шелестнули кошачьи тени:

Герда с бароном Пушком одновременно отпрянули от границ теней, что скрывали их, спрятались еще глубже в невидимости.

– Великим королям и королевам благие вести приношу, хотя горьки они бывают: искореняя зло, я сею в душах царственных лучи надежды, но также опасенье пред грехом. Весь мир тому свидетель. И вам, миледи, я также весть принес от сердца, плоды работы к трону возложил, едва достиг покоев ваших. Йонас, чародей, клятвопреступник – мертв. Не радуйтесь, ведь дьявол нового слугу обрел сегодня утром, но знайте. И с волей Божьей я всех суду предаю изменников. Неспешно выслежу, настигну, правду выясню – их удача временная шлюхой обратится и улизнет к восходу следующего дня, как повстречаюсь им. К торжественному воскресенью – тому, что ваша темя короной золотой украсит, разгладив тень тревоги, морщины испарив, – последний из предателей уж дух испустит, на дыбе скорчившись, а царство ваше, чистое, как дева, песнь воспет в тот день: «Славься, повелительница! Славься, – петь станут люди добрые, – славься, кошек изумрудных госпожа!»

Растеряно глядела на него красавица несколько секунд, словно чем-то он сумел на короткий миг поразить ее сердце, и болезненный страх чуть ослабил хватку.

– Велеречив ты... Заговор раскрой и принеси мне мир, инквизитор! – воскликнула, едва не плача, принцесса.

Мальчик услышал, как инквизитор кланяется и разворачивается, и как немой смех дрожит в его теле, когда Принцесса не видит его лица. Слух мальчика смог даже различать сердцебиение и хлюпанье крови в теле милорда. Обрел свой звук и рябой страх перед королевским безумием, которое ведет убийцу и вынуждает его ломать ступни и позвоночники жертв.

– Ее уж не насытить ничьей смертью, – прошептал он одними губами, а принцесса шипела ему вслед:

– Найди мне всех заговорщиков и убей! Найди и убей!.. – повторяла, пока милорд не покинул комнату, низко поклонившись напоследок.

Мальчик догадался, что вот-вот черный человек выйдет из покоев и заметит его, прячущегося. Он опрометью бросился к камину, однако не успел: инквизитор лязгнул за собой дверь и спешно пересек темный коридор. Впрочем, он прошел мальчишку насквозь, даже не заметив, и склонился над теплым тельцем, в которое все еще тыкался лбом котенок.

Медвежонок стремился ласково разбудить своего друга, чтобы еще поиграть. Завидев человека, животное бросилось наутек.

Инквизитор потрепал лежащего будто в глубоком сне вычесывателя по волосам.

Наблюдавший со стороны мальчик вцепился было в собственное тело, но напрасно: только звуки давались ему, а материя вдруг стала рассеиваться, словно в ней и не бывало порядка, а он сам никогда не имел с ней связи. Перед ним все начало убыстряться и закручиваться. Спираль добралась черным щупальцем сюда, и раскачивала реальное из стороны в сторону, рвала крепость пайки.

Звуков сделалось так много – он теперь мог услышать весь мир, но рвался сознанием только к сердцебиению любимого котенка. Ни за что не хотел он присоединяться к исполинскому молчанию, не ощутив еще хоть раз скребушееся в пушистой груди мурчание, ласковое и неторопливое. И он искал его среди лавины звуков, надвигающейся со всех сторон. Маленький отважный кот, будто поняв, что мальчик не уходит благодаря ему, бросился навстречу, хотя лавина вот-вот могла накрыть их.

Они вцепились друг в друга, две незначительные ноты из всеобъемлющей песни. Сновидение сомкнулось, его рев заглушил любые мысли, кроме одной: «Я всегда буду тебя любить и защищать, Медвежонок».

И кот в благодарность замурчал, становясь последним из гаснущих для мальчика звуков. В огромном кошачьем глазу, где все-все переставало быть, юный вычесыватель растаял, как и остальные воспоминания маленького пушистого существа. Потом, как и обещал чародей, тишина восторжествовала, будто никогда ее не перебивал скоротечный век человеческих царств.

9–14 января 2019 года

